

Irina B. Pavlova
Doctor of Philology
Senior Researcher
Institute of World Literature
Russian Academy of Science
e-mail: antologia1@yandex.ru
Moscow, Russia
ResearcherID: AAO-8719-2020
ORCID: 0000-0002-0006-0156

DOI: 10.36340/2071-6818-2023-19-2-33-42

THE ROLE OF THE SKY MOTIVE IN THE DEVELOPMENT OF KONSTANTIN LEVIN'S STORYLINE IN TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA"

Summary: The Sky and the Universe attracted close attention of Tolstoy, the artist. The image-symbol of the sky accompanies the writer's beloved heroes on the life path. The article is devoted to the role of the sky motif in the development of the plot line of Konstantin Levin — one of the central characters of the novel *Anna Karenina*, and the influence of the sky on his fate. Tolstoy's hero is closely connected with the Universe and with the earthly reality. He looks for the Truth, answers to the most important questions of being, seeking to comprehend the meaning of life, gaining faith, focusing on the eternal, beautiful sky and earthly reality; he commits to economic activities, house-building. He seeks to understand the ethical ideals of the peasantry. The article discusses several episodes, describing the hero's meetings with the Universe, which are connected with his desire to gain love, happiness, harmonious personal relations, with an intuitive sensation of the inextricable connection of the earthly and the heavenly, the perfection of the Universe and with the transition to a new stage of spiritual development. These episodes are created with exceptional artistic skill. The scene of spring hunting in the forest at sunset demonstrates the hero's organic con-

nection with the Cosmos; his involvement in the element of the Earth and the celestial element. The next situation marks the turning point in the hero's personal fate. It is dedicated to Levin's fleeting vision, when he, before the morning dawn after a night spent on stacks of hay, sees like a dream a pearl shell-cloud in the sky. The impression of a church cross against the backdrop of the winter night sky, stars, the Auriga constellation with a bright star, Capella, is such that "seized from the conditions of material life", the hero feels the mysterious contact of the soul with heaven. The impressions of this night are associated with good omen for him. On the last pages of the novel, after the thunderstorm, the hero experiences his indissoluble unity with the Cosmos; he is inclined to conclude that the undoubted manifestation of the Divine are the laws of good, accessible to every human heart, uniting all people. In these minutes, Konstantin Levin feels that he is close to finding the faith. The revelations he received anticipate the transition to a new stage in the hero's spiritual development, the unknown paths of life revealing to him.

Keywords: the sky motif, Levin's fate, the stages of the hero's spiritual development

The sky had an amazing effect on Tolstoy's inner world: it excited, aroused many questions in his soul and gave a feeling of belonging to the entire Universe. Therefore, it is not surprising that in the writer's works, the dear to him heroes look at the sky, have a special mystical relationship with it.

The semantic potential of the image of the sky is enormous.

In his diary for 1855, the writer noted: "August 25. I've just been looking at the sky. Pleasant night. God have mercy on me. I'm wrong. Let me be good and happy, Lord have mercy.

Stars in the sky. Bombing in Sevastopol, music in the camp.”¹

Another diary entry made on July 7, 1857 vividly testifies how attractive, striking the sky was for Tolstoy: “The night is a miracle. What do I want, long for? I do not know, but not the blessings of this world. How not to believe in the immortality of the soul, when you feel such immeasurable greatness in your soul? I’ve looked out the window. Black, broken and light. Just die.— My God! My God! What am I? and where? and where am I?” (Tolstoy, vol. 47, p. 140).

Notebook No. 1, dated April 20, 1858, has the following confession: “I have gone out onto the balcony, the night is dark, starry. Stars, mist [misty?] stars, bright clusters of stars, glitter, gloom, outlines of dark trees.

Here he is. Bow down to him and be silent! Everything will be nonsense...” (Tolstoy, vol. 48, p. 76).

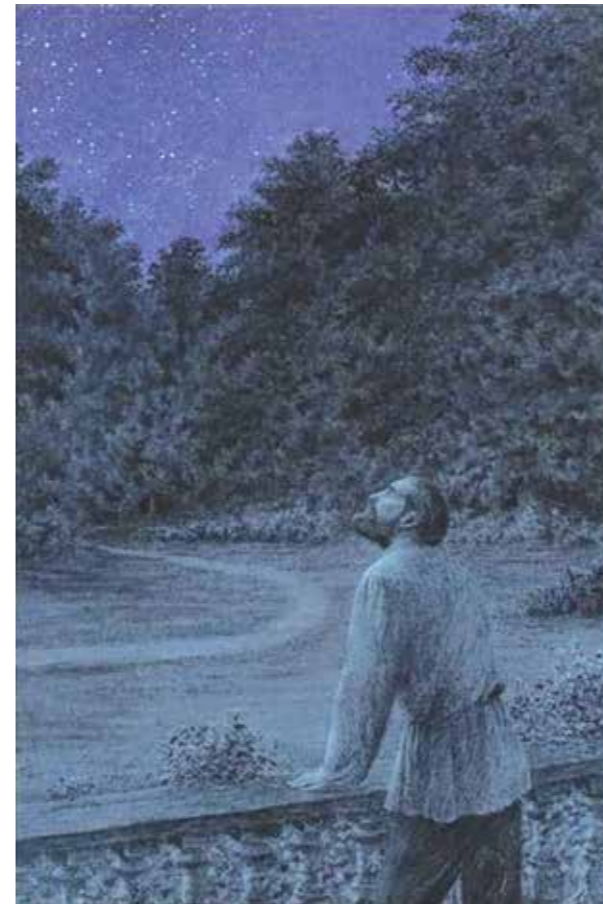
Researcher O. Panova wrote: “A vertically directed space is understood by the author and the main characters as open, open into the World and the Universe, which gives full right to designate it not only epic but also cosmic <...>. It is the openness, endlessness and infinity, expressed by L. Tolstoy in the symbolism of the sky and the “heavenly”, that provides his heroes with the opportunity to enter the sphere of the transcendent, the area of the Truth of Being. Almost all Tolstoy’s main characters are turned to the sky with their eyes and soul <...> this has a sublime, symbolic meaning, and can be regarded as the performance of a symbolic act by each of them.”²

One of the central characters of the novel *Anna Karenina*, Konstantin Levin, is closely connected with two elements. He is connected with the earthly and transcendent, is turned to the Sky, and is organically close to the Earth: urban civilisation is alien to him. Levin lives on the estate, loves peasant labour, sees his destiny to be a rural owner. He is endowed with the ability to intuitively feel the processes taking place around him in nature. A vivid example of this is the spring hunting scene in the company of Steve Oblonsky, which is permeated with a pantheistic worldview. “Imagine! One can hear and see the grass growing!” Levin

said to himself, noticing a wet, slate-coloured aspen leaf moving beside a blade of young grass.” (Tolstoy, vol. 18, p.172) The hero listens to various evening forest sounds around, looks down at the wet mossy ground, at the bare tops of the forest spread out in front of him; his attention is attracted by the smallest signs of the world around him. The expression associated with grass has mythological, folklore roots, and is present not only in Russian language. In the article *Grass Versus Grass: Nature or Culture?*, authors I. Tarasova and L. Semein write about the purpose of their research: “The concept ‘grass’, reconstructed through the associative field, allows us to trace the opposition ‘civilised life’ — ‘life far from civilisation’”³. Tolstoy’s hero is alien to the established bourgeois way of life, striving for natural life, which, in particular, finds expression in his reactions to the natural environment. Illuminated by the evening dawn, the forest, the impressions of which Levin absorbs, is inseparable for him from the dull blue, veiled with white stripes of clouds dimmed sky. This scene clearly demonstrates the organic connection of the hero with the Cosmos, the involvement of the sphere of the Earth and the airy, Heavenly sphere, which appear in harmonious unity.

In the novel, we come across several descriptions of how Levin contemplates the sky, and each has a deep ideological and artistic meaning. This contemplation correlates with the dramatic emotional states of the hero; it is associated with intimate personal experiences, fateful moments of his life, with worldview and spiritual quest. Looking at the Sky, the hero mentally asks it about the meaning of human existence, and the Universe responds to Levin’s searches and impulses.

Without connections with the Sky, the image of Levin would have turned out to be prosaic, devoid of depth and could not have taken, along with Anna Karenina, a leading place in the novel. The researchers noted that two storylines develop in parallel in the work: Anna’s and Konstantin Levin’s. These characters are given a special role: Tolstoy’s heroes are people with a rich inner life, striving to find the meaning of their existence, to realise themselves and find happiness. The image of the main character embodied the writer’s aesthetic ideas, his understanding of beauty; the nov-

Ill. 1. *Anna Karenina* by Illustrator Angela Barrett.

elist gave Levin his intellectual, spiritual quest. In the fates of these characters, the social and moral conflicts of the post-reform era were particularly clearly reflected.

The sky opens up to Levin, who lives mainly in the bosom of nature, outside urban civilisation at different times of the day and year: in the evening, at dawn, at night, in spring, in winter, and in summer. Thus, he is attached to the eternal movement of the Earth and the beautiful Cosmos.

It should be mentioned that the inexhaustibility of the image of the sky in the novel *Anna Karenina* and its influence on Levin are reflected, in particular, in colouristic descriptions, in the symbolism of colour. In moments associated with deep psychological experiences, the hero observes the sunrise and light of the fading sun, the whole gamut of sky shades that arise during the transition from evening to night and from night to morning, and deeply feels the poetry of the world that opens up to him. Harmonising, peaceful daytime skies are painted in blue, pink, soft white, symbolising the ideal essence. The night sky appears almost black, or dark blue; the Moon, stars, and the Milky Way can be clearly seen on it. The blue col-

our is associated with the spiritual principle, with the Cosmos, Eternity. In the spring hunting scene, Tolstoy depicts an amazing colour composition, a colourful picture of a dark blue sky, on which, from behind the birches, a soft silver, alluring Venus is shining, shimmering with red lights, embodying strong hidden feelings, gloomy Arcturus. Levin’s soul is in doubt, uncertainty, apprehension, a passionate desire to know the truth about Kitty. Moreover, while observing the stars, the hero correlates their position in the sky with earthly landmarks, he does not break the connection with the earthly world: Venus is first visible to him below a birch branch, then moves higher, and the Big Dipper becomes fully visible.

From the context of the novel it follows that the hunt takes place in mid-April. According to astronomical signs, the planet Venus is the brightest object in the sky after the Sun and the Moon. During the period of optimal visibility, Venus can be observed for several hours after sunset — the Evening Star, or before sunrise — the Morning Star. On spring evenings in the Northern Hemisphere, the planet is visible until midnight near the western point of the horizon. The hallmark of Venus is its even white colour. Arcturus is one of the brightest stars in the constellation Boötes. In spring and until mid-summer, Arcturus is located high above the horizon in the southern part of the sky. The star owes its name to its proximity to Ursa Major: in Greek, *Arcturus* is a bear guardian, hinting at the relative position of the three constellations: Boötes, Ursa Minor and Ursa Major.

In modern critical literature, there is an opinion that the writer made a mistake in this scene: “Venus cannot rise in the west: on the contrary, in the evening visibility, Venus descends, setting below the horizon.”⁴ However, the highest artistry of this episode completely neutralises the error made by the author.

The depiction of Levin’s fleeting vision before dawn after a night spent on a haystack can be called Tolstoy’s aesthetic masterpiece. This moment marks a turning point in the personal fate of the hero. “How beautiful!” he thought, looking at the strange, mother-of-pearl shell of white fleecy cloudlets resting right over his head in the middle of the sky. “How exquisite it all is on this exquisite night! And when was there time for that cloud-shell to form?”

1. Tolstoy, L.N. 1928–1958. *Complete works: in 90 volumes. (Jubilee)*. Vol. 47, p. 140.

2. Panova, O.B. 2008. «The language of the symbols in L. Tolstoy’s epic works (sky — earth — door — circle)», *The Language and culture*, no. 4, p. 64.

3. Tarasova, I.A. and Semein L.Y. 2004. «Trava versus Grass: nature or culture?», *The news of the Russian state pedagogical university named A. Herzen*, vol. 7, p. 294.

4. Lepilov, V. 1991. *Literature and astronomy. (Critical studies)*. *One hundred astronomical mistakes in the literature*, p. 25.

Just now I looked at the sky, and there was nothing in it — only two white streaks. Yes, and so imperceptibly too my views of life changed!” (Tolstoy, vol. 18, pp. 291–292). According to E. Babaev, a mother-of-pearl shell-cloud in a clear night sky is a sign of Levin’s ideal dream, in which he wants to believe very much. There is a subtle romantic irony in this scene: the hero’s “utopia” is beautiful, like a mother-of-pearl shell that suddenly appears and just as suddenly disappears. “This is not even Levin’s dream, but, as it were, a dream of nature itself. It is above his personal hopes but he is inseparable from it.” According to Babaev, a poetic picture of a summer night echoes Fet’s poem “How Fresh it is Here Under the Thick Linden...”⁵.

In Tolstoy’s description, the shape of the shell is not quite definite, hence the possibility of considering two hypostases of this image-symbol. According to research in the field of mythology and folklore, a cowrie shell is associated with love, with the female generative principle (the comb shell has the same meaning): contemplation of the amazing sky picture reveals to Levin that he has never ceased to love Kitty and desires to marry her. If the shell is spiral, it presents the image of the Universe, the model of the Cosmos, which are associated with questions that are constantly present in the hero’s soul about the meaning of life, about goodness and God, the laws of the universe. Thus, the symbolic image of the shell, which appeared only for a moment in the heavenly ocean among white-topped waves, serves as a reflection of the depths of the subconscious and mental quest of Tolstoy’s beloved hero.

Before coming with a proposal to the Shcherbatsky family, deeply agitated Levin feels as if in a different reality, in a dream. Unable to cope with his emotions, he walks to the window in the hotel room and begins to observe the winter sky through the open window: at first he sees snow-covered roofs, behind them, there is a church cross with chains, and above it — the rising triangle of the constellation Auriga with yellowish bright Capella. There is an association with Descartes’ expression “to open some windows” (“ouvrir quelques fenêtres”), which implies the expansion of the boundaries of knowledge. After a while, he again sits down by the window, “to bathe in the cold air and look at this wonderfully shaped, silent but

full of meaning for him cross and the ascending yellowish-bright star” (Tolstoy, vol. 18, p. 423). In the picture presented to him, the symbolism of the Cross and celestial bodies is combined. “Withdrawn from the conditions of material life,” the hero feels the mysterious contact of the soul with the heavenly world. This state is ideally expressed in the Great Doxology of the All-Night Vigil: “Slava v vyshnikh Bogu, i na zemli mir, v chelovetsekh blagovoleniye. Khvalim Tya, blagoslovim Tya, klanyayem Ti sya, slavoslovim Tya, blagodarim Tya, velikiya radi slavy Tvoyeya.” Levin opens a window to the Universe controlled by the Creator. A person who dissolves in it acquires the highest happiness. The constellation Auriga was associated in Ancient Greece with a herd of goats, as well as with a chariot and its driver, symbolising a person’s mind and feelings, which must be in harmony. Capella is the largest and brightest star in the constellation Auriga, consisting of two giant stars — Capella Aa and Capella Ab, that is, a pair, which in this context hints at a marital union. Capella, meaning a goat in Latin, personifies fertility and maternal care, which are again associated with family life. And the yellowish-bright light of the star approaches the sunshine (despite the described night time), which is associated with creative energy, the joy of life. The impressions of this night are associated with good omens for the hero.

On the last pages of the novel, Levin’s fateful, most important meeting with the Sky takes place: he has been moving towards it for several years. The hero experiences his indissoluble unity with the Cosmos especially deeply, feels himself a part of it and a bearer.

Spiritual insights concerning the laws of being and one’s own earthly destiny come to Levin when he observes the immense vault of sky in the coming night, nature renewed by a summer downpour. The hero’s gaze meets a familiar triangle in the sky, apparently the constellation of the Auriga, favourable for him. He sees the Milky Way and how, during the spring hunt, he correlates the position of a bright planet, most likely the “evening star” Venus, with earthly landmarks — in relation to a birch branch. The theme of unity, beauty, orderliness of the Universe with its mysterious laws, which arose owing to Divine Providence, appears again. An integral part of the name of the galaxy that Levin observes is “way” — “Milky

Way”. This has a special meaning. Levin is the hero of the path, who seeks goodness and inner harmony, strives for self-actualisation, overcomes trials, delusions and contradictions. Worldview questions for him are inseparable from worldly, practical ones.

At the same time, it is quite obvious that new problems await him in life, the solution of which will require serious spiritual, mental efforts, and hard work. Clouds in the night sky that were in the north, distant thunder and flashes of lightning remind of the most acute conflicts shaking the world, of cardinal social changes: this is an echo of the events in the Balkans, where the struggle of the Slavic peoples against Turkish oppression unfolded, the overturned Russian life, which fits into some new forms.

Looking at the starry sky, Levin feels himself the owner of an inaccessible to reason, inexpressible mystery that cannot be adequately expressed

in words. The hero himself hesitates whether what has been revealed to him can be considered faith. Nevertheless, he tends to conclude that the undoubted manifestation of the Divine is the laws of good, accessible to every human heart, uniting all people. This conclusion is supported by a convergence with the folk ethical ideal. My life now, he says to himself, “is not only not meaningless, as it was before, but has an undoubted sense of goodness, which I have the power to put into it!” (Tolstoy, vol. 19, p. 400).

Earlier, looking at the sky, constellations, individual stars, the Milky Way was associated for the hero with the desire to find such desired love, personal happiness, with an intuitive feeling of the inextricable connection between the earthly and heavenly, the perfection of the universe, whereas now it anticipates Levin’s transition to a new stage of spiritual and moral development, unexplored paths of life opening up before him.

REFERENCES

1. Babayev, E.G. 1978. «Anna Karenina L. Tolstogo [“Anna Karenina” of L. Tolstoy]. State publishing house of fiction, Moscow, USSR.
2. Lepilov, V. 1991. *Literatura i astronomia. (Criticheskie etudy). Sto astronomicheskikh oshibok v proizvedeniyakh Hudozhestvennoi literaturi [Literature and astronomy. (Critical studies). One hundred astronomical mistakes in the literature]*. Astrakhan, USSR.
3. Panova, O.B. 2008. «Yazik simvolov eposa L. Tolstogo (nebo — zemlya — dver — krug)» [«The language of the symbols in L. Tolstoy’s epic works (sky — earth — door — circle)»], *Yazik i kultura [The Language and culture]*, no. 4, pp. 60–75.
4. Tarasova, I.A. and Semein L. Y. 2004. «Trava versus Grass: nature or culture?» [«Trava versus Grass: priroda ili kultura?»], *The news of the Russian state pedagogical university named A. Herzen [Izvestiya rossiiskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena]*, vol. 7, pp. 294–304.
5. Tolstoy, L.N. 1928–1958. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 90 t. (Yubileynoye) [Complete works: in 90 volumes. (Jubilee)]*. State publishing house of fiction, Moscow, USSR.

5. Babayev, E.G. 1978. “Anna Karenina” by L. Tolstoy. P. 35.

Ирина Борисовна Павлова

доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы Российской академии наук
e-mail: antologia1@yandex.ru
Москва, Россия

ResearcherID: AAO-8719-2020
ORCID: 0000-0002-0006-0156

DOI: 10.36340/2071-6818-2023-19-2-33-42

РОЛЬ МОТИВА «НЕБО» В РАЗВИТИИ СЮЖЕТНОЙ ЛИНИИ КОНСТАНТИНА ЛЕВИНА В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Аннотация: Небо, Вселенная привлекали к себе пристальное внимание Толстого-художника. Образ-символ «небо» сопутствует на жизненном пути любимым героям писателя. Статья посвящена роли мотива «небо» в развитии сюжетной линии одного из центральных персонажей романа «Анна Каренина» Константина Левина, влиянию неба на его судьбу. Герой Толстого тесно связан со Вселенной и с земной реальностью. Он ищет Истину, ответы на важнейшие вопросы бытия, стремится постичь смысл жизни, обрести веру, ориентируясь на вечное, прекрасное небо, отдаёт все силы хозяйственной деятельности, домостроительству, его влекут народные этические идеалы. В статье рассмотрено несколько эпизодов, описывающих встречи героя со Вселенной, которые связаны с его стремлением обрести столь желанные любовь, счастье, гармоничные личные отношения, с интуитивным ощущением неразрывной связи земного и небесного, совершенства мироздания и с переходом на новый этап духовно-нравственного развития. Эти эпизоды созданы с исключительным художественным мастерством. Сцена весенней охоты в лесу на закате, демонстрирует органическую близость героя с Космосом, его сопричастность стихиям Земли и воздушной, Небесной.

Небо оказывало удивительное воздействие на внутренний мир Толстого: волновало, вызывало в душе множество вопросов и давало ощущение сопричастности всей Вселенной. Поэтому неудивительно, что в произведениях писателя дорогие ему герои лицезреют небо, вступают с ним в особую мистическую связь. Семантический потенциал образа «небо» огромен.

Следующая ситуация знаменует поворотный момент в личной судьбе героя. Она посвящена мимолётному видению Левина, когда он перед утренней зарёй после ночи, проведённой на копне, лицезреет на небе похожую на грёзу перламутровую раковину-облако. Впечатление от креста церкви на фоне зимнего ночного неба, звёзд, созвездия Возничего с яркой Капеллой таково, что «изъятый из условий материальной жизни» герой ощущает таинственное соприкосновение души с горним миром. То, что было явлено этой ночью Левину, связано с добрыми предзнаменованиями для него. На последних страницах романа наблюдающий ночное небо после грозы герой переживает своё нерасторжимое единство с Космосом, склоняется к выводу, что несомненное проявление Божества — это законы добра, доступные каждому человеческому сердцу, объединяющие всех людей. В эти минуты Константин Левин чувствует, что он близок к обретению веры. Полученные откровения предвосхищают переход на новый этап духовно-нравственного развития героя, открывающиеся перед ним неизведанные пути жизни.

Ключевые слова: мотив «небо», судьба Левина, этапы духовно-нравственного развития героя.

В дневнике за 1855 г. писатель отметил: «25 Августа. Сейчас глядел на небо. Славная ночь. Боже, помилуй меня. Я дурён. Дай мне быть хорошим и счастливым, Господи, помилуй. Звёзды на небе. В Севастополе бомбардировка, в лагере музыка»¹.

1. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное). Т. 47. М., ГИХЛ, 1937. С. 59. В дальнейшем сноски на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

Насколько небо было притягательно, поразительно для Толстого, ярко свидетельствует ещё одна дневниковая запись, сделанная 7 июля 1857 г.: «Ночь чудо. Чего хочется, страстно желается? не знаю, только не благ мира сего. И не верить в бессмертие души, когда чувствуешь в душе такое неизмеримое величие? Взглянул в окно. Черно, разорванно и светло. Хоть умереть. — Боже мой! Боже мой! Что я? и куда? и где я?» (Толстой, т. 47, с. 140).

Записная книжка № 1, от 20 апреля 1858 г. содержит следующее признание: «Я вышел на балкон, ночь тёмная, звёздная. Звёзды, туман[ные?] звёзды, яркие кучки звёзд, блеск, мрак, абрисы тёмных деревьев».

Вот Он. Ниц перед Ним и молчи! Всё будет вздор...» (Толстой, т. 48, с. 76).

Как писала исследователь О. Б. Панова: «Вертикально направленное пространство понимается автором и главными героями как открытое, разомкнутое в Мир и Вселенную, что даёт полное право обозначить его не только эпическим, но и космическим <...>. Именно открытость, беспредельность и безграничность, выраженная Л. Толстым в символике неба и «небесного», предоставляет его героям возможность выхода в сферу трансцендентного, область Истины Бытия. Практически все главные толстовские герои взглядом и душой обращены к небу <...>, что имеет возвышенное, символическое значение, может расцениваться как совершение каждым из них символического акта»².

Один из центральных героев романа «Анна Каренина» Константин Левин тесно связан с двумя стихиями. Он сопричастен горному и дольному, обращён к Небу и органически близок Земле: ему чужда городская цивилизация, Левин живёт в поместье, любит крестьянский труд, видит своё предназначение быть сельским хозяином. Он наделён способностью интуитивно ощущать процессы, происходящие вокруг него в природе. Ярким примером тому может служить сцена весенней охоты в обществе Стивы Облонского, которая пронизана пантеистическим мироощущением. «Каково! Слышно и видно, как трава растёт!» — сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы» (Толстой, т. 18, с. 172). Герой прислу-

2. Панова О. Б. Язык символов эпоса Л. Н. Толстого (небо — земля — дверь — круг) // Язык и культура. № 4. 2008. С. 64.

шивается к разнообразным вечерним лесным звукам вокруг, глядит вниз на мокрую мшистую землю, на расстилавшиеся перед ним оголённые макушки леса, его внимание приковывают мельчайшие приметы окружающего мира. Выражение, связанное с травой, имеет мифологические, фольклорные корни, присутствует не только в русском языке. В статье «Трава versus Grass: природа или культура?» авторы И. А. Тарасова и Л. Ю. Семейн пишут о цели своего исследования: «Реконструируемый через ассоциативное поле концепт “трава”, позволяет проследить противопоставление “цивилизованная жизнь” — “жизнь, далёкая от цивилизации”»³. Герой Толстого чужд утверждающемуся буржуазному укладу, устремлён к естественной жизни, что, в частности, находит своё выражение в его реакциях на окружающую природную среду. Освещённый вечерней зарёй лес, впечатления которого впитывает Левин, неотделим для него от мутно-голубого, подёрнутого белыми полосками туч тускневшего неба. Эта сцена наглядно демонстрирует органическую связь героя с Космосом, сопричастность сфере Земли и воздушной, Небесной, которые предстают в гармоническом единстве.

В романе мы встречаем несколько описаний того, как Левин созерцает небо, и каждое имеет глубокое идейно-художественное значение. Это лицезрение соотносится с драматическими эмоциональными состояниями героя, связано с сокровенными личными переживаниями, судьбоносными моментами его жизни, с мировосприятием и духовными исканиями. Вглядываясь в Небо, герой мысленно вопрошает его о смысле человеческого существования, и Вселенная откликается на искания, порывы Левина.

Без связей с Небом образ Левина получился бы прозаичным, лишённым глубины и не смог бы, наряду с Анной Карениной, занять ведущее место в романе. Исследователи отмечали, что в произведении параллельно развиваются две сюжетные линии: Анны и Константина Левина. Этим персонажам отводится особая роль: герои Толстого — люди с богатой внутренней жизнью, стремящиеся обрести смысл своего существования, реализоваться и найти счастье. В образе главной героини вопло-

3. Тарасова И. А., Семейн Л. Ю. Трава versus Grass: природа или культура? // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Вып. 7. 2004 СПб. С. 294.

тились эстетические представления писателя, его понимание красоты, Левину романист передал свои интеллектуальные, духовные искания. В судьбах этих персонажей особенно ярко отразились социальные и нравственные конфликты пореформенной эпохи.

Небо открывается живущему в основном на лоне природы, вне городской цивилизации Левину в разное время суток и года: вечером, на рассвете, ночью, весной, зимой, летом. Таким образом, он оказывается приобщён к вечному движению Земли и прекрасного Космоса.

Следует упомянуть, что неисчерпаемость образа «небо» в романе «Анна Каренина», его влияние на Левина отражены в частности в колористических описаниях, в символике цвета. В минуты, связанные с глубокими психологическими переживаниями, герой наблюдает восход и свет гаснущего солнца, всю гамму небесных оттенков, возникающих при переходе от вечера к ночи и от ночи к утру, и глубоко чувствует поэтичность открывающегося ему мира. Гармонизирующие, умиротворяющие дневные небеса окрашены в голубой, розовый цвета, неяркий белый, символизирующий идеальную сущность. Ночное небо предстаёт практически чёрным или тёмно-синим, на нём могут быть отчётливо видны Луна, звёзды, Млечный путь. Синий цвет связан с духовным началом, с Космосом, Вечностью. В сцене весенней охоты Толстой изображает изумительную цветовую композицию, красочную картину тёмно-синего неба, на котором из-за берёзок сияет нежно-серебристая, манящая Венера, переливается красными огнями, воплощающими сильные потаённые чувства, мрачный Арктур. Душа Левина пребывает в сомнениях, неуверенности, опасениях, страстном желании узнать правду о Кити. Причём, наблюдающий звёзды герой соотносит их положение на небе с земными ориентирами, не порывает связи с дольним: Венера сначала видна ему ниже сучка берёзы, затем перемещается выше, и становится полностью видна колесница Большой Медведицы.

Из контекста романа следует, что охота происходит в середине апреля. По астрономическим приметам планета Венера — самый яркий объект на небе после Солнца и Луны. В период оптимальной видимости Венеру можно наблюдать в течение нескольких часов после захода солнца — «Вечерняя звезда», или перед восхо-

дом — «Утренняя звезда». Весенними вечерами в Северном полушарии планета видна вплоть до полуночи возле западной точки горизонта. Отличительный признак Венеры — её ровный белый цвет. Арктур — одна из самых ярких звёзд, находится в созвездии Волопаса. Весной и до середины лета Арктур располагается высоко над горизонтом в южной части неба. Названием звезда обязана близости к Большой Медведице: по-гречески «Арктур» — медвежий страж, намекает на взаимное расположение трёх созвездий: Волопаса, Малой и Большой Медведицы.

В современной критической литературе существует мнение, что писатель допустил в этой сцене ошибку: «Венера на западе не может подниматься: наоборот, при вечерней видимости Венера опускается, заходя за горизонт»⁴. Но высочайшая художественность этого эпизода полностью нейтрализует погрешность, допущенную автором.

Эстетическим шедевром Толстого можно назвать изображение мимолётного видения Левина перед утренней зарёй после ночи, проведённой на копне. Этот эпизод знаменует поворотный момент в личной судьбе героя. «Как красиво, — подумал он, глядя на странную, точно перламутровую раковину из белых барашков облачков, остановившуюся над самую голову его в середине неба. — Как всё прелестно в эту прелестную ночь! И когда успела образоваться эта раковина? Недавно я смотрел на небо, и на нём ничего не было — только две белые полосы. Да, вот так-то незаметно изменились и мои взгляды на жизнь!» (Толстой, т. 18, с. 291–292). По наблюдению Э. Г. Бабаева, перламутровая раковина-облако на чистом ночном небе, знак идеальной мечты Левина, в которую он хочет верить всеми силами души. В этой сцене есть тонкая романтическая ирония: «утопия» героя красива, как перламутровая раковина, которая неожиданно возникает и так же неожиданно исчезает. «Это даже не мечта Левина, а как бы мечтание самой природы. Она выше его личных надежд, но он неотделим и от неё». Поэтическая картина летней ночи, считает Э. Г. Бабаев, переключается со стихотворением Фета «Как здесь свежо под липою густою ...»⁵.

4. *Лепилов В.* Литература и астрономия (Критические этюды). Сто астрономических ошибок в произведениях художественной литературы. Астрахань, 1991. С. 25.

5. *Бабаев Э. Г.* «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М., Худ. лит., 1978. С. 35.

В толстовском описании форма раковины не вполне определённа, отсюда вытекает возможность рассмотреть две ипостаси этого образа-символа. Согласно исследованиям в области мифологии и фольклора, раковина каури ассоциируется с любовью, с женским порождающим началом (тот же смысл имеет и гребенчатая раковина): созерцание удивительной небесной картины открывает Левину, что он не переставал любить Кити и желать брака с ней. Если раковина спиралевидна, в ней воспроизведён образ Вселенной, модель Космоса, которые сопряжены с постоянно присутствующими в душе героя вопросами о смысле жизни, о добре и Боге, законах мироздания. Таким образом, символический образ раковины, лишь на мгновение появившийся в небесном океане среди белых барашков волн, служит отражением глубин подсознательного и умственных исканий любимого героя Толстого.

Перед тем, как приехать с предложением в семью Щербацких, глубоко взволнованный Левин, чувствует себя как будто в иной реальности, во сне. Не в силах справиться с переживаниями, он подходит в гостиничном номере к окну и начинает наблюдать зимнее небо через отворённую форточку: вначале ему видны покрытые снегом крыши, из-за них узорчатый с цепями крест церкви, а выше его поднимающийся треугольник созвездия Возничего с желтовато-яркой Капеллой. Возникает ассоциация с выражением Декарта «открыть некоторые окна» («ouvrir quelques fenêtres»), которое подразумевает расширение границ познания. Через некоторое время он снова садится к форточке, «чтобы купаться в холодном воздухе и глядеть на этот чудной формы, молчаливый, но полный для него значения крест и на возносящуюся желтовато-яркую звезду» (Толстой, т. 18, с. 423). В представшей ему картине соединяется символика Креста и небесных тел. «Изъятый из условий материальной жизни» герой ощущает таинственное соприкосновение души с горним миром. Это состояние идеально выражено в Великом Славословии Всенощного Бдения: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Хвалим Тя, благословим Тя, кланяем Ти ся, славословим Тя, благодарим Тя, великия ради славы Твоя». Левину приоткрывается окно во Вселенную, управляемую Творцом. Растворяющийся в ней человек обретает высшее

счастье. Созвездие Возничий ассоциировалось в Древней Греции со стадом коз, а также с колесницей и её водителем, символизировавшими разум и чувства человека, которые должны пребывать в согласии. Капелла — самая крупная и яркая звезда в созвездии Возничего, состоящая из двух звезд-гигантов — Капелла Аа и Капелла Аб, т. е. парная, что намекает в данном контексте на супружеский союз. Капелла, по-латыни коза, олицетворяет плодовитость и материнскую попечительность, опять-таки связанные с семейной жизнью. А желтовато-яркий свет звезды приближается к солнечному сиянию (несмотря на описываемое ночное время), с которым ассоциируется созидательная энергия, радость жизни. Впечатления этой ночи связаны с добрыми предзнаменованиями для героя.

На последних страницах романа происходит судьбоносная, важная встреча Левина с Нобом: к ней он двигался несколько лет. Герой особенно глубоко переживает своё нерасторжимое единство с Космосом, ощущает себя частью его и носителем.

Духовные прозрения, касающиеся законов бытия и собственного земного предназначения, посещают Левина, когда он наблюдает в наступающей ночи необъятный небесный свод, природу, обновлённую летним ливнем. Взор героя встречает в вышине знакомый треугольник, видимо, созвездия Возничего, благоприятного для него. Он видит Млечный путь и как во время весенней охоты соотносит положение яркой планеты, скорее всего, знакомой ему «вечерней звезды» Венеры, с земными ориентирами — по отношению к ветке берёзы. Снова звучит тема всеединства, красоты, упорядоченности Вселенной с её таинственными законами, возникшей благодаря Божественному Промыслу. Составной частью названия галактики, которую наблюдает Левин, является «путь» — «Млечный путь». В этом заключён особый смысл. Левин — герой пути, который ищет добро и внутреннюю гармонию, стремится к самоактуализации, преодолевает испытания, заблуждения и противоречия. Мироззренческие вопросы для него неотделимы от житейских, практических.

В то же время совершенно очевидно, что в жизни его ждут новые проблемы, разрешение которых потребует серьёзных духовных, умственных усилий, упорного труда. Тучи в ночном небе,

стоявшие на севере, дальний гром и вспышки молний напоминают об острейших конфликтах, потрясающих мир, о кардинальных общественных изменениях: это отзвук событий на Балканах, где развернулась борьба славянских народов против турецкого угнетения, переворотившаяся русская жизнь, которая укладывается в какие-то новые формы.

Глядя на звёздное небо, Левин ощущает себя обладателем недоступной разуму, неизречённой тайны, которая не может быть адекватно выражена словами. Сам герой колеблется, можно ли считать то, что ему открылось, верой. Тем не менее он склоняется к выводу, что несомненное проявление Божества — это законы добра, доступные каждому человеческому

сердцу, объединяющие всех людей. Это заключение подкрепляется сближением с народным этическим идеалом. «...жизнь моя теперь, — говорит он себе, — ...не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в неё!» (Толстой, т. 19, с. 400).

Если ранее лицезрение неба, созвездий, отдельных звёзд, Млечного пути было связано для героя со стремлением обрести столь желанные любовь, личное счастье, с интуитивным ощущением неразрывной связи земного и небесного, совершенства мироздания, то теперь оно предвосхищает переход Левина на новый этап духовно-нравственного развития, открывающиеся перед ним неизведанные пути жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабаев Э. Г.* «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. — М., Худ. лит., 1978.
2. *Лепилов В.* Литература и астрономия (Критические этюды). Сто астрономических ошибок в произведениях художественной литературы. — Астрахань, 1991.
3. *Панова О. Б.* Язык символов эпоса Л. Н. Толстого (небо — земля — дверь — круг) // Язык и культура. — № 4. — 2008. — С. 60–75.
4. *Тарасова И. А., Семейн Л. Ю.* Трава versus Grass: природа или культура? // Известия российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — Вып. 7, 2004. — СПб. — С. 294–304.
5. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. (Юбилейное). — М., ГИХЛ, 1928–1958.